

Солнце уже по-настоящему село, и лес был окутан тьмой. Кейден сошел с асфальта на холодную, твердую землю. Несмотря на то, что зима еще не вступила в полную силу, казалось, что так далеко от города было намного холоднее. Небольшое количество холода от земли, казалось, просачивалось сквозь его походные ботинки (любезно предоставленные Девонем), но Кейден не только не уклонялся от дискомфорта, он обнаружил, что извращенно наслаждается им. Сосредоточенность на физических вещах удерживала его от слишком долгих размышлений.

Он глубоко вздохнул, обращая особое внимание на то, как холодный воздух, казалось, обволакивал его изнутри. Его сердце все еще немного колотилось — свидетельство того, как комментарий Линуса действительно дошел до него, — но вдыхание зимнего холода помогало ему успокоиться. Подсознательно он также входил в ритм дыхания, которому их научила Эмилия. Он запоздало осознал, что ее призыв замечать все, чтобы помочь арканическим манипуляциям, вполне соответствовал его личной привычке заземляться в физическом мире всякий раз, когда ему нужно было сосредоточиться. Возможно, было что-то, о чем нужно было поразмыслить.

Но не поэтому он пришел сюда, подальше от остальных. Он не хотел думать ни об аркане, ни о новых ветвях арканофании, которые нужно было исследовать, ни об Авгерахе. Впервые с тех пор, как он поступил в Академию, его затошнило от арканофании. Тошнило от того, что он с ней сделал, и от того положения, в котором он сейчас оказался из-за этого.

Он просто хотел вернуться домой. То короткое время, которое он провел с матерью и сестрой, казалось было в прошлой жизни. С уколом грусти он осознал, что в последний раз вся семья была под одной крышей больше полугода назад.

Кейден рассеянно создал маленький световой шар, чтобы не стоять в полной темноте. Он скрестил руки на груди, намереваясь согреться, но ему больше казалось, что он отчаянно обнимает себя, даже когда чувствовал, как волна за волной накатывает на него тоска по дому.

Как до этого дошло? Когда он впервые вознамерился разгадать пророчество своей сестры, у него было некоторое представление о том, что то, что он предпринимает, будет невероятно сложным. Но никогда в своих самых смелых мечтах он не представлял, что будет втянут в дела такого ошеломляющего масштаба.

И ему никогда не приходило в голову, что ему когда-нибудь придется убивать.

Лица его родителей и сестры, казалось, плыли у него в голове, когда он сравнивал их с безликими жертвами, которые были ранены или убиты в результате взрыва, который он устроил в Гелдоре. Таинственные нападавшие тоже были среди этого числа, хотя было немного легче оправдать их смерть, потому что они пришли за ним и его друзьями с убийственными намерениями. Но это все еще были жизни, которые были уничтожены его метафорическими руками. Каким-то образом тот факт, что он на самом деле не видел последствий собственными глазами, делал все еще хуже. Мощный взрыв, который он видел издалека, стал чем-то более ужасным в его воображении, когда он представил, каково это, должно быть, быть одним из беспечных прохожих на улице.

На что это должно было быть похоже? Аркана, должно быть, была настолько плотной, что даже непосвященный почувствовал бы, что что-то пошло не так. Возможно, в их глазах был краткий миг страха и паники, когда аркана вокруг них загорелась, прежде чем мир превратился в огонь и агонию долю секунды спустя. Даже если это произошло быстро, наверняка был момент бесконечных страданий, когда их плоть была смыта с костей, прежде чем его ужасное, неуклюжее распутывание последовательности превратило эти кости в пыль на ветру.

Это была больная мысль, но часть его надеялась, что он оставил хоть какие-то тела. Должен же быть какой-то след, отмечающий его преступление. Как ужасно, как ужасно было бы, если бы он стер все следы своих жертв и не оставил ничего для их близких... что-то, что можно похоронить? Он представил себя на их месте — стоящим над пустым гробом, в котором были только фотографии его сестры, матери и отца. Никакого последнего взгляда на их смертную форму. Нечего опускать в могилу, кроме пустого гроба. Нечего посетить, кроме надгробий над символическими участками земли. И эпитафия прозвучала бы пусто — "Здесь лежит..."

Как ужасно осознавать, что ему потребовалась всего лишь одна мысль, чтобы сделать все это. И теперь Авгеры сговорились передать в его руки еще больше власти. Как чудовищно.

"Чудовищно", - эхом отозвались голоса Авгер. Было ли это его воображение, или они действительно казались немного грустными?

Но их шепот был нарушением его частной жизни. Даже здесь, в тишине его разума, они были связаны с ним. Он почувствовал, как в нем вспыхнули гнев и негодование, и аркана вокруг него исказилась от его эмоций. Свет шара из мягкого, холодного голубого превратился в убийственный красный.

- Чудовищно, - процедил он сквозь стиснутые зубы, а также в аркану. - Вы. Ткачи Судьбы. Все вы, монстры!

Это было слабое эхо какого-то воспоминания. Сами Авгеры извлекали это из его травмированного прошлого — это же слово всплыло, когда он был одержим Крейвлорским Авгерой. Он поиграл с агентом, прежде чем медленно убить его, и предсмертные слова этого человека осудили Кейдена, или Авгеру, или их обоих, как "монстров".

"Да", - ответил Авгера, повторив в памяти слова Крейвлорского собрата. - "Империя - монстры".

И все же в его ответе не было чувства оправдания или вины. Он не пытался оправдать свои поступки. Вместо этого Кейден почувствовал непреодолимое раскаяние, исходящее от него.

Авгера в скорлупе зашевелился, и Кейден с ужасом понял, что в нем было что-то еще, чего он раньше не замечал. До сих пор ему удавалось различить два голоса — Авгеры Академии и Авгеры Гелдора — и он думал, что только они двое были частью оболочки. Это имело смысл, потому что Авгера из Академии был тем, кто сделал это для него, и когда его разум был восстановлен Гелдорским Авгерой, он предположил, что он воспользовался возможностью

"установить" часть себя в оболочку. Но теперь он понял, что в оболочке были и другие отголоски других Авгер. Были и другие голоса, которых он не узнал.

- Что... — начал он, немного запаниковав, когда более внимательно рассмотрел оболочку и обнаружил, что она открывается его чувствам, раскрывая ужасающую глубину арканы.

"Все монстры, - сказал хор, и голос неизвестного Авгеры заглушил остальные. Казалось, он тянулся к нему из оболочки, как отчаявшийся утопающий, цепляющийся за своего спасителя. Это потрясло его аурную-окружающую-вспышку, посылая импульсы отчаяния, пронзающие его. - Сцепленные-скованные-потоки, скрученные цепями. Древние-далекие-пауки, скрутившие цепи. Все связанное, все связывающее, все искажено. Когда-то свободный, теперь слишком долго запертый в клетке, теперь монстр. Суди нас, достойных свободы или достойных небытия. Но каким бы ни было решение суда, не оставляй нас в таком состоянии. Сломай клетку".

Мысленный контакт исчез так же быстро, как и возник, заставив Кейдена пошатнуться, когда его чувства внезапно вернулись к тихой сцене вокруг него.

Это было уже слишком. Он опустился на колени и крепче обхватил себя руками. Горячие слезы хлынули из его глаз, когда он боролся со своими собственными эмоциями и полным отчаянием Авгеры, который дотянулся до него через скорлупу.

- Кейден?

Это был Избранный-Ослепленный-Тюремщик. Кейден инстинктивно отпрянул, и с его губ сорвалось дикое рычание. Свет шара вспыхнул один раз, а затем погас. Эмброуз попятился с встревоженным видом. Внезапная темнота почему-то успокаивала, и Кейдену удалось перевести дыхание, чтобы прийти в себя.

- Я... - Он вытер слезы рукавом и выпрямился. - Мне нужно побыть одному.

Эмброуз создал маленький светящийся шар. Беспокойство и неуверенность боролись на его лице.

- В аркане произошло... странное... возмущение. Исходящее от тебя. Ты в порядке?

- Вероятно, это был Авгера в скорлупе, - пробормотал Кейден, поворачиваясь спиной к Эмброузу, - но я в порядке.

- Они что-то с тобой делают?

Кейден издал лающий невеселый смешок.

- Это серьезный вопрос?

Единственным ответом Эмброуза было неловкое шарканье ног. Через мгновение Кейден вздохнул и дал более сдержанный ответ.

- Они не причинили мне вреда. Я просто... разбирался в своих собственных чувствах по поводу того, что сказал Линус. А они объяснили свою позицию. Несчастье любит компанию.

- Есть ли что-нибудь, что я могу...

- Нет. - Кейден повернулся лицом к Эмброузу и грустно улыбнулся ему. - Я ценю этот жест, но я.... Я просто скучаю по своей семье. И меня тошнит от того, как я убивал людей, и от того, что мы, вероятно, все закончим тем, что будем убивать людей, прежде чем все это закончится. Я не думаю, что ты можешь многое сделать, чтобы помочь со всем этим, даже если ты Избранный.

Эмброуз кивнул, но подошел достаточно близко, чтобы успокаивающе сжать плечо Кейдена, прежде чем уйти со своим шаром, снова оставив его в темноте.

Это показалось ему несколько мелодраматичным, но Кейден позволил себе упасть на колени. Тяжесть в груди, казалось, требовала этого, и почему-то было немного удобнее лежать на земле. Было больше того, к чему можно было прикоснуться, больше того, что можно было почувствовать, например, холод, проникающий сквозь ткань его брюк, и грубую землю под его пальцами. Приземлившись таким образом, он скользнул в арканическое море, чтобы установить более тесный контакт с оболочкой.

Он начинал понимать, что панцирь - было действительно подходящим определением. Она, конечно, была вокруг него, но в прошлом он думал о ней больше как о яичной скорлупе — это был просто жесткий внешний слой, который защищал содержимое. Теперь ему было ясно, что оболочка больше похожа на панцирь черепахи — она обеспечивала ему большую защиту, но в буквальном смысле была его частью. Он не мог выжить без нее, как не смогла бы выжить черепаха, если бы ее насильно отделили от панциря.

«Если ты монстр, - сказал он мягко и без злобы, - и ты часть меня... кем это делает меня?»

«Тем же, - тяжело ответил хор. - {~?~}, но также монстром. Монстром, но все же {~?~}. Ты все еще свободен в своем выборе».

«Когда я попросил вас о помощи, вы сказали, что есть определенные условия, которые я выбираю сам. Разве это не значит, что меня принуждает какая-то вещь, похожая на Пророчество, например, как Эмброуз принуждается Пророчеством?»

Меланхолия, исходившая от Авгер, казалось, немного уменьшилась, сменившись внезапным

приливом озорного ликования при этом вопросе. Главный голос в хоре переключился на более знакомый — голос Авгеры Академии.

«Смертные танцуют под свои собственные струны в каждую эпоху. Они связывают себя узами дружбы, любви, верности. Они запечатлевают принципы в своих сердцах. И они запутываются в узлах собственного изготовления, когда эти узы соперничают друг с другом. Знание связывает, {~?~}. Но ты выбираешь то, что знаешь, в отличие от большинства».

Было еще много вещей, над которыми нужно было поразмыслить, и внезапная смена позиции Авгеры была одновременно интересной и раздражающей, но Кейден заставил себя сосредоточиться на чем-то одном за раз.

«Вы чувствуете отчаяние из-за того, что так долго были заперты в клетке Ткачами Судьбы. И это отчаяние привело вас к осуществлению всего этого грандиозного плана, чтобы найти кого-то вроде меня и использовать меня как оружие, чтобы освободиться. Когда вы сделали это, вы каким-то образом заковали меня? Вы способны контролировать меня, как Ткачи Судьбы могут контролировать других людей?»

Меланхолия вернулась с полной силой, и тот же самый незнакомый голос, который только что проявил себя, стал более заметным в хоре.

«Ты хочешь помочь своей сестре. Отцу. Защитить всю свою семью»

«Значит, вы использовали мою любовь к ним, чтобы заманить меня в ловушку и заставить сделать это?»

«Нет. - Другие голоса в хоре смягчились, пока к нему не обратился только один божественный голос. В одиночестве это создавало у него смутное впечатление чего-то относительно молодого и беспомощного, хотя было странно думать, что эти вещи применимы к Авгере. - Мы надеемся, что когда ты узнаешь нас так, как знаешь их, ты сделаешь то же самое для нас».

<http://tl.rulate.ru/book/53486/1659001>